

Смысл его слов был ясен: иначе он разорвёт его на куски. Кто мог терпеть такую ужасную и отвратительную вещь на своём теле? Инь Усяо тихо вздохнул, вымыл окровавленные руки в лекарственном растворе, выбрал маленький нож, изогнутый, как полумесяц, и, не моргнув, ловким движением вырезал яйцевой мешок из брюшка личинки.

Яйцо было размером с жемчужину, покрытое тонкой сетью фиолетовых кровеносных сосудов. Личинка, лишённая яйцевого мешка и испытывая боль, начала метаться, и Инь Усяо поспешил капнуть на неё несколько капель анестезии. Он сам был весь в поту, капли пота падали с его ресниц.

Лэ Юй изо всех сил закрыл глаза, и когда рану зашили, его густые брови были покрыты потом. Он вдруг спросил:

— Сколько времени займёт заживление?

Инь Усяо вздрогнул, остановился и, нажимая пальцами, ответил:

— Как минимум месяц постельного режима.

Лэ Юй сказал:

— Слишком долго.

Инь Усяо сдался:

— Ладно.

Он затянул последний шов из овечьей кишки, ловко завязал узел, достал флакон с порошком и посыпал рану. Зажег фитиль, и порошок мгновенно вспыхнул, пламя, как красная змея, охватило рану. Лэ Юй вздрогнул всем телом, тяжело дыша, и упал, пока плоть запекалась, запечатывая рану.

Инь Усяо, держа яйцо на лезвии ножа, внимательно изучал его, полностью сосредоточившись. Он взял золотую иглу и, аккуратно сняв оболочку, удивился: яйцо было такого же серебристого цвета, как и личинка, и внутри что-то шевелилось. Осмотрев его на свет, он поместил яйцо в длинную бутылку, наполненную лекарственной жидкостью.

Яйцо погрузилось в жидкость, бутылка была запечатана воском, и, лишённое запаха сладкой плоти, яйцо некоторое время плавало, словно пытаясь вырваться, но в конце концов опустилось на дно зелёной жидкости.

За тысячи ли отсюда, под проливным дождём, крупные капли барабанили по крыше экипажа. На почтовой станции, окутанной дождём и тучами, Сяо Шанли вдруг почувствовал, что не может дышать, и схватился за грудь. На его лбу была повязка, скрывающая яркий цвет красного пиона. Он сжал руку на груди, и самка гу, которая до сих пор была спокойна, начала

метаться, словно слыша пронзительный детский плач: «Мама, спаси меня, мама...»

Внутри его экипажа был длинный стол, мягкая кровать, подушки с ароматическими травами и занавески, закрывающие окна. За спиной стоял книжный шкаф в половину человеческого роста. Под дождём более сорока охранников стояли по обе стороны, двадцать лошадей, не сняв сбруи, спокойно жевали корм и пили воду.

Охранники в плащах снаружи, услышав звук, постучали в экипаж и тихо спросили:

— Ваше высочество, может, остановимся на станции и отдохнём перед продолжением пути?

Сяо Шанли, опершись на книжный шкаф, с трудом произнёс:

— Не нужно.

Вокруг была тьма, Лэ Юй шёл, как будто через пещеру, в ушах звучал непрерывный шум воды, словно водопад. Пещера казалась лабиринтом, без конца и края. Он знал, что это сон, но не мог понять, стоит ли идти дальше или остановиться.

Он шёл в темноте час, два часа, или целый день, и наконец открыл глаза. Свет проникал через окно, лёгкий ветерок доносился с озера. Он находился в беседке в саду за Гильдией морской торговли, на озере виднелись извилистые мостики, а напротив — несколько высоких зданий. Тонкие руки поднесли влажное полотенце, на запястьях блестели золотые и нефритовые браслеты — это была Не Фэйлуань. Инь Усяо подошёл и сказал:

— Ты наконец очнулся. Ты спал три дня, если бы не проснулся, пришлось бы всё раскрыть.

Лэ Юй чувствовал сильную головную боль, ожог на груди был невыносим. Он схватил её за руку, Не Фэйлуань поняла намёк и ушла, чтобы дать ему отдохнуть. Лэ Юй спросил:

— Где яйцо?

Инь Усяо достал из рукава фарфоровую бутылку и сказал:

— Минлин производит только одно яйцо за жизнь, оно может храниться вне тела два месяца. Через два месяца, если оно не получит плоть, умрёт. Ты можешь оставить его у меня, я сохраню его для тебя.

Выражение лица Лэ Юй менялось. Инь Усяо продолжил:

— Самка гу была в тебе слишком долго и срослась с твоим сердцем, я не уверен, что смогу её извлечь.

Если он не уверен, то вряд ли кто-то ещё сможет.

Инь Усяо мягко улыбнулся, словно соблазняя:

— Но есть ещё один способ — если ты достигнешь уровня гроссмейстера. «Неосязаемая ци» — это символ младшего гроссмейстера, достигнув его, ты сможешь ранить врагов листьями и цветами; символ гроссмейстера же — «чистое тело». Когда ты достигнешь уровня гроссмейстера, твои кости, мышцы и плоть пройдут через очищение, иначе обычное человеческое тело не выдержит силы гроссмейстера. Как только ты очистишь своё тело, гу, как злое существо, исчезнет сама собой.

Лэ Юй спросил:

— Ты так хочешь, чтобы я стал гроссмейстером?

Инь Усяо ответил:

— Я хочу увидеть, какой «путь» ты выберешь, чтобы стать гроссмейстером.

Он посмотрел на Лэ Юй и сказал:

— Ты самый достойный представитель рода Лэ, с выдающимися способностями и ясным умом. Даже если бы твой предок, господин Лэ, был жив, он бы не превзошёл тебя. — Я часто думаю, как было бы здорово родиться на двести лет раньше и встретиться с твоим предком. Одиноким князь за морем, о котором в те времена говорили: «Зелёные горы за облаками, яркие камни под соснами. Смотри на этого человека в горах, его дух освещает цвет сосен». Какая это была бы встреча.

Господин Лэ был первым предком рода Лэ, который, достигнув успеха, ушёл в отставку и получил от императора Чжоу остров за морем. Лэ Юй коротко сказал:

— Ты льстишь.

Инь Усяо продолжил:

— Ци Шуюнь предсказал твою судьбу четырьмя иероглифами: «Великий путь спрашивает о чувствах». Твои испытания связаны с «чувствами». Либо это уже проявилось в любовном гу, либо есть что-то ещё. Тот, кто станет испытанием твоих чувств, вероятно, носитель самки гу, князь Цзинчэн?

Лэ Юй усмехнулся:

— Ты знал о князе Цзинчэне с момента его прибытия в Зал Зелёного Бамбука, зачем притворяться?

Инь Усяо легко согласился:

— Привычка притворяться мешает говорить прямо. Вернёмся к делу: как только ты станешь гроссмейстером, испытание чувств само собой разрешится. Если твои чувства к нему вызваны

любовным гу, он умрёт; даже если это не гу, а настоящие чувства, достигнув уровня гроссмейстера, ты естественным образом поднимешься на уровень, где забываешь о чувствах. Я просто хочу увидеть, какой «путь» ты выберешь.

Когда Лэ Юй начал заниматься боевыми искусствами, он думал, что пойдёт по пути своей матери. Его мать, покинув остров Пэнлай, встретила в глуши молодого человека из знатной семьи. Тот передал через слугу простой платок с двумя строками: «Вода — это горизонтальная волна глаз, горы — собранные брови». Это было первое любовное письмо, которое она получила.

Через несколько дней они снова встретились, но на этот раз молодого человека грабили разбойники, его слуги погибли, и только он был спасён Лэ Сяньюй. Они провели вместе всего десять дней, и она решила сказать: «Мои родители умерли, я хочу стать твоей женой, поклонимся Небу и Земле и заключим брак».

Его отец был в восторге и хотел привести её домой, чтобы представить родителям. Лэ Сяньюй знала, что его родители никогда не примут девушку из мира боевых искусств, но всё же проводила его домой. Затем, в родовом храме, молодой человек, не выдержав давления семьи, не смог отпустить свою новую жену. Мать Лэ Юй, зная, чего хочет, решительно разорвала отношения, чтобы избежать страданий. Она родила сына и ушла.

Лэ Сяньюй в одно мгновение погрузилась в чувства, а в следующее — вышла из них, разрубив их мечом, без малейшего колебания. Лэ Юй не мог пойти по такому пути. Он нажал на рану на груди, любовный гу продолжал двигаться. Всё, что произошло с тех пор, как он покинул остров Пэнлай, было игрой небес. Как он мог смириться с этим? Ярость снова начала подниматься, его уши гудели от боли, он попытался сдержать её с помощью ци и сказал:

— Среди нынешних гроссмейстеров... путь моей матери мне недоступен. Государственный учитель Шу никогда не испытывал чувств, я не могу следовать его примеру. Остаётся только два пути: либо, как безумный отшельник Шэнь Хуайхай, потерявший любимую и достигший просветления через горе, либо, как Король в кровавых одеждах...

На этом месте его внутренности были ранены ци из Сутры Истинного Удовольствия, и он упал на спину.

Хозяин Хрустального дворца, Ши Нуи, стал святым, убив всех младших гроссмейстеров. Инь Усяо, однако, выглядел довольным. Лэ Юй уже не мог сдерживать себя, лёжа в крови, его вены, казалось, лопались одна за другой. Его лицо стало жестоким и гордым, он сказал:

— Даже если это будет как Король в кровавых одеждах... я не остановлюсь!

Инь Усяо был отброшен силой ци из рукава за порог, он перевернулся четыре или пять раз и упал на пол. За ним, словно под давлением урагана, шестнадцать дверей захлопнулись, окна закрылись, и беседка погрузилась в темноту среди бела дня. Раздались звуки, и свечи внезапно зажглись.

<http://bllate.org/book/15272/1348101>